

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА

ПО СЛЕДАМ

САМУРАЕВ

СЕМИ

“Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут...” — вынул мистер Киплинг. “Восток — дело тонкое” — невольно вторил ему товарищ Сухов. А за время, прошедшее между крылатыми высказываниями, отдельные юспыда пытались опровергнуть столь филиппистические утверждения.

В 50-е годы Америка увлеклась Японией. Дело не только в чувстве вины перед бывшим противником, пережившим Хиросиму. И не в моде на “дзэн”, которая придет немного позже. Американцы, привыкшие все негอลลливудские фильмы называть полууничтожительно “иностранина”, вдруг обнаружили, что в Стране восходящего солнца снимают свое кино. Да еще какое! Ни на что не похожее, с экзотическими реалиями, дразнящей музыкой, изощренным натурализмом и непривычной моралью. Слово “самурай” вошло в обиход, как десятилетием раньше — “камикадзе”. Но если бы интерес держался на новизне, на несхожести, он долго бы не протянул. Самым важным было поразительное совпадение разных менталитетов. Вот обнищавший самурай эпохи Мэйдзи, бродящий по дорогам и продающий свое искусство фехтования за мешочек золотых. А вот опустившийся ковбой XIX века, скитающийся по прерии и меняющий свое умение стрелять на горсть долларов. Их объединяют отверженность, одиночество, цинизм, за которым, однако, скрывается личный кодекс чести, стоящий выше установленного людьми закона.

Да и чисто внешне — с какой кошачьей грацией двигаются они перед поединком! Сначала плавно-напряженные шаги, затем молниеносное извлечение из ножен меча или из кобуры — револьвера, и вот уже одним-двумя-тремя врагами стало меньше... Америка — страна ассимиляции. Новый Свет привык впитывать все, что плохо лежит в Старом. Понятие “римейк” (“переделка”)

могло появиться только в США. Кстати, почему никого не удивил лысый ковбой? Не только потому, что к имиджу Бриннера уже привыкли, но еще и оттого, что его персонаж был аналогом Такаси Симурэ, который в начале “Семи самураев”, чтобы утихомирить убийцу, переодевался буддийским монахом и брил голову. Так, начиная с этой детали, в оригинале и римейке идут параллели. Испытания на крутость одинаковы и у самураев, и у ковбоев: и те и другие никогда не войдут в дверь, не удостоверившись, что за ней никто не прячется. Нищие крестьяне и подлые разбойники были и в постреволюционной Мексике, и в феодальной Японии. И все-таки вечность сюжета — в героях. Наемники, люди, не умеющие ничего, кроме как убивать — эта тема в вестернах 50-х годов зазвучала горьким рефреном, наряду с другими, развенчивающими мифы о “чистоте” Дикого Запада. А японское кино аналогичным образом бунтовало против средневековых догматов слепого подчинения господину. “Великолепная семерка” попала, таким образом, в яблочко, в болевой узел проблем, в пересечение не только Востока с Западом, но и прекраснотушных мечтаний прошлого с циничной трезвостью настоящего.

Дальнейшее развитие темы пошло разными путями. Вот похищены дети фермеров — и Крис набирает новую семерку (“Возвращение семерки”, 1966). Среди его новобранцев можно выделить Уоррена Оутса, который впоследствии вступит в “Дикую банду” Сэма Пекинпа (режиссера, эстетизировавшего смерть не без влияния традиций самурайского кино). Наконец, в эпоху Звездных войн появился научно-фантастический римейк “Битва за пределами звезд” (1960). Семь звездолетов разной формы на орбите планеты, захваченной тираном, смотрелись очень недурно. Кстати, Роберт Вон повторил здесь тот же персонаж, что и в оригинальной “Семерке”, пересадив его с коня за пульт управления. Когда в игру “переделай сам” включились итальянцы со своими “макаронными” вестернами, это была даже не вторичность, а третичность или четверичность. Впрочем, и фильм “За пригоршню долларов” (1964), прославивший Клинта Иствуда, был переделкой “Телохранителя” (1961) Куросавы, который сам испытал влияние американского вестерна, ничуть не стыдясь, а даже подчеркивая это. А еще через 20 лет тот же сюжет был использован в новомодном жанре “фэнтэзи” — “Воин и колдунья”, где герой орудовал самурайским мечом. Американцы еще раз повторили эксперимент “из самураев — в ковбой” — Мартин Ритт переделал “Расемона” в “Надругательство” (1964). Но гораздо интереснее было столкнуть этих “кровных братьев”. Встреча произошла в 1971 году во франко-английском вестерне “Красное солнце” (прозрачный намек на японский флаг). Честь самураев представлял, конечно же, Мифуне (единственный японский киноактер, которого знали не только в лицо, но и по имени). А марку ковбоев поддержал один из “великолепных” — Чарльз Бронсон. Наконец-то Восток и Запад сошлись! И, между прочим, неплохо полади-

Повторные попытки гибридизации относятся уже к эпохе увлечения восточными единоборствами — это итальянские “История о карата, кулаках и фасоли” (1973), где снимался Дин Рид, и “Стрелок и чужестранец” (1976) небезызвестного Энтони Доусона (он же Антонио Маргерити). У нас же “Великолепная семерка” была тем, что сегодня называют “культовым фильмом”. Наряду с “Фантомасом” и “Ангеликой” она представляла образец западной массовой культуры, от которой наших граждан так старательно уберегали. А уж вестерн (классический американский) был у нас вообще редчайшим гостем. Поэтому влияние одного фильма было равносильно влиянию жанра в целом. Когда так называемое “историко-революционное” кино начало осваивать эстетику вестерна, ковбой с анекдотичной легкостью были “превращены” в комиссаров, индейцы — в басмачей, а американские бандиты — в махновцев. Соотнесение сюжетов с исторической правдой в этих “истернах” было примерно таким же, как и в вестернах. И мы, и американцы занимались, в принципе, одним и тем же — мифологизацией собственного прошлого. А схема “Семерки” — схватка группы храбрецов с ордой злодеев — оказалась очень удобной для всех регионов: азербайджанского (“Семеро сыновей моих”), туркестанского (“Встреча у старой мечети”), русского (“Шестой”).

Аналогичный процесс происходил и в кино о Великой Отечественной. Бурным каскадом посыпались различные “пятеро с неба”, “отряды особого назначения”, “пятерки отважных” и т.п. Впрочем, и приключения “командос” имели развитие в американском боевике — “Грязная дожина”, 1967. Короче говоря, “Великолепная семерка”

“Семи самураев”

удалось потрясти основы нашей цензуры. Старый добрый вестерн в советских одеяниях ассимилировался до такой степени, что стал чуть ли не национальным жанром и породил киношлягеры — “Неуловимые мстители” и “Белое солнце пустыни”. (Кто же есть Данька, Ксанка, Цыган, Валерка, Сухов, Саид и Петруха, как не наша “великолепная семерка”?)

Норма ДЕСМОНД

“Красное солнце”

